Павел М. Степанцов
Московская школа социальных и экономических наук, Москва, Россия

Семантика и прагматика архитектурного объекта: что может дать витгенштейнианский подход для изучения архитектуры

В данной статье разрабатывается социологический подход к изучению архитектурных объектов на основании витгенштейнианской социологии. В первой части осуществляется критика распространенных в современных социологических исследованиях моделей исследования архитектуры. Основным предметом критики является попытка интерпретации архитектурных объектов как результата реализации «в стекле и бетоне» стоящих за ними социальных отношений. Демонстрируется, что подобный подход обусловлен «просвещенческой установкой» большей части социологических концептуализаций архитектуры, основной посыл которой — поиск скрытых от непосредственного наблюдения социальных структур, стоящих за любым объектом исследования.

Во второй части разрабатывается альтернативный подход. На основании анализа работ Л. Витгенштейна, П. Уинча и представителей Манчестерской школы этнометодологии утверждается, что социологический подход к изучению архитектурных объектов должен отказаться от поиска скрытых смыслов, которые определяются широким социальным контекстом. Вместо этого необходимо сконцентрироваться на изучении актов конституирования смысла в процессе повседневных взаимодействий. Далее этот подход применяется на примере анализа кейса считывания смысла архитектурных арт-объектов на фестивале «Архстояние».

Ключевые слова: архитектура, взаимодействие, смысл, значение, прагматическое понимание, семантическое понимание, Витгенштейн

Степанцов Павел Михайлович — старший преподаватель факультета социологии МВШСЭН. Научные интересы: социология действия, социология знания, социология событий. E-mail: pavel-stepantsov@yandex.ru
Pavel Stepantsov — senior lecturer at Sociological Faculty (MSSES). Research interests: sociology of action, sociology of knowledge and sociology of events. E-mail: pavel-stepantsov@yandex.ru
Статья написана при подготовке научно-исследовательской работы «Микросоциология архитектуры и городского планирования» (ЦСИ РАНХиГС, 2015 г.).

Pavel M. Stepantsov. Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow
Semantical and pragmatical dimensions of architectural object: Towards Wittgensteinian approach to the architectural studies

This article suggests a development of sociological approach to the study of architectural objects basing on Wittgensteinian sociology. The first part of this text is devoted to a critique of explanatory models common to contemporary sociological studies of architecture. The criticism focuses on re-description and interpretation of architectural objects in terms of 'real social relations' standing behind them. This approach is said to be a result of "Enlightenment attitudes" inherited by contemporary sociological theory from classical projects. The principal aim of Enlightenment may be said to be as follows: discovering (and un-covering) hidden social structures that cannot be grasped by direct observation, nevertheless which stand behind and determine the flow of social life.

The second part of the article is intended to develop an alternative research agenda. Referring to the works of Peter Winch, Ludwig Wittgenstein and Manchester school of ethnomethodology, I state that sociological study of architecture should abandon its preoccupation with investigating hidden causes and meanings of architectural objects which are determined by a wider social context. Instead sociologists have to focus on the study of ordinary acts which constitute meanings via the processes of everyday interactions. The latter approach is applied to the case-analysis of making sense of architectural objects at contemporary art festival 'Archstoyanie'.

Keywords: architecture, interaction, sense, meaning, pragmatic understanding, semantic understanding, Wittgenstein

doi: 10.22394/2074-0492-2017-1-101-121

Архитектура: слишком удобный объект для социологического исследования?

На первый взгляд, изучение архитектуры и архитектурных объектов могло бы стать серьезным вызовом для социологических моделей объяснения. Казалось бы, сложно представить себе более «несоциологический» объект исследования. Так, например, с точки зрения традиционных теорий действия, здания не просто не могут действовать — им не может быть атрибутирован процесс смыслополагания, поэтому и использование категории действования как деяния, недеяния или претерпевания, с которыми «действующий или действующие связывают субъективно полагаемый смысл» [Вебер, 2002, с. 72], по отношению к ним бессмысленно. В лучшем случае возможно понимание архитектуры как сеттинга — условий, в которых осуществляются социальные взаимодействия и которые так или иначе могут влиять на их структуру [Вахштайн, 2015].

Самостоятельным объектом изучения в такой оптике она быть не может.

Это положение более или менее очевидно всем, кто работал с классической социологической теорией. Однако в той же степени очевидно и то, что в действительности экспансия социологических объяснений в область архитектуры не представляет серьезных проблем для социолога-исследователя. Для этого надо всего лишь изменить оптику рассмотрения архитектурных объектов. Архитектура становится узлом, в котором пересекаются социальные отношения. Это делает возможным социологическое изучение архитектурных объектов — зданий, улиц, архитектурных проектов и т. п. — *per se*. Они становятся самостоятельным предметом, исследованию которых посвящен значительный корпус социологической литературы.

В результате смещения фокуса исследовательского внимания место архитектурных объектов занимают, например, культурные идентичности и политические институты [Jones, 2006], поведенческие стратегии «пользователей» [Spencer, 2005], ценности [Ramsey, 1987] и т. д. Архитектура всего лишь позволяет материально выразить абстрактные ценности, а социолог может увидеть, как в «стекле и бетоне» реализуется структура социальных отношений [Jones, 2006, p. 549-550]. Более того, подобная экспансия социологических объяснений приводит к когнитивному обесцениванию других моделей объяснения, которые занимаются изучением архитектуры: «Дискуссии, которые ведутся в теории архитектуры, фокусируются в первую очередь на эстетической ценности [объектов], а также их символической составляющей. Они могут привести к аполитическому взгляду на архитектуру, в котором утрачивается связь между архитектурной формой и более широкими социальными вопросами» [Jones, 2011, p. 21].

В рамках подобного подхода исследование архитектурных форм безотносительно социального и политического контекстов воспринимается как результат специфической слепоты, которой грешат архитекторы-профессионалы и которая не позволяет им увидеть «реальную структуру отношений», стоящую за архитектурными объектами, что наивно полагаются очищенными от социального влияния. Так работает машинерия эпистемических интервенций[1]: подменяя реальность одних объяснений другой — реальностью социальных отношений. Иными словами, исследователи переописывают объект в удобных, ясных и считываемых для социологической теории понятиях.

1 См., например, [Вахштайн, 2015].

В результате сам объект становится рядоположенным другим — и за зданиями, и за социальным взаимодействием, и за практиками пользования стоят одни и те же отношения власти и подчинения, символические формы, консенсус и сообщества. Последние полагаются более реальными и действительными, чем то, что открыто «наивному взору» обывателя или архитектора-профессионала. Склонность к эпистемическим интервенциям заложена в саму логику социологического рассуждения и связана с просвещенческим пафосом социальных наук.

Проект «социологического Просвещения»: наблюдаемое vs скрытое

Социологические объяснения «инфицированы» логикой проекта Просвещения. Просвещенческий пафос заставляет исследователя искать скрытые от глаз обывателей смыслы, причинно-следственные связи, закономерности, которые в действительности стоят за наблюдаемыми (другими людьми) явленностями социальной жизни. Лучше всего эпистемический ход, используемый в стандартных, широко распространенных социологических объяснениях, описан А. Филипповым [2009, с. 265] в статье «От социологического просвещения к социальному действию»: «Существует несколько стандартных объяснений и описаний социальной жизни, но социолог утверждает, что знает, какова она на самом деле. Социальная жизнь устроена не так, как об этом говорят идеологи, представители церкви, партийные и профсоюзные деятели, журналисты и т. д. Все это слова, которые могут быть хороши, но они не обеспечивают доступ к некоторому массиву контролируемого опыта — контролируемого в части его получения, перепроверки, приращения, что собственно и отличает науку от всего остального. Социология, таким образом, это наука, но наука о чем? Здесь появляется старая формула <...>: „Социология как наука о действительности“».

Стоит отметить, что проект «социологического просвещения» конструирует особый тип действительности — «социологическую действительность», действительность социальных отношений, ценностей, сообществ и т. д. И эта действительность считается более реальной, чем та, что доступна наблюдению социальных действующих [Hutchinson, Read, Sharrock, 2008].

Доступ к ней имеют исключительно социологи-исследователи, обладающие методами, которые обеспечивают им получение «массива контролируемого опыта». Возможность получить доступ к специфическому региону действительности, которая стоит за наблюдаемыми явлениями, позволяет ученому-просветителю открывать глаза на действительность социальной жизни осталь-

ным — будь они обыватели, политики, журналисты или профессионалы-архитекторы[1] — иными словами, позволяет «просвещать» в отношении той действительности, в которой они «на самом деле» живут.

Проект социологического просвещения был бы невозможен, если социальные науки не могли бы предложить унифицированной картины действительности, которая недоступна здравому смыслу или профессиональному знанию. Чаще всего социология решает эту задачу посредством апелляции к универсальности методов исследования — универсальности, которая характерна для естественных наук: «Если положение социального исследователя <...> может в принципе восприниматься как сравнимое — в основных логических чертах — с положением представителя естественных наук, должно быть верным следующее. Понятия и критерии, в соответствии с которыми социолог судит, что в двух ситуациях случается та же самая вещь, или происходит одно и то же действие, должны пониматься в отношении к правилам, управляющим социологическим исследованием [Уинч, 1996, с. 65].

Универсальность методов становится основой рядоположения объектов разного рода. Независимо от того что изучает социолог, социологический метод позволяет ему определять различные события и ситуации как идентичные. Правила социологического исследования становятся общим знаменателем, который унифицирует отличающиеся с точки зрения «здравого смысла» или профессионального знания регионы реальности [Hutchinson, Read, Sharrock, 2008]. Выигрышем от применения такого подхода становится возможность социальных наук переописать любое явление на своем языке. Но есть ли что-то, что мы упускаем из-за излишнего увлечения просвещенческим пафосом?

Напрашивающийся ответ: социология теряет возможность различения явлений, которые в результате применения социологических методов подводятся под общий знаменатель и переописываются на основании социологической действительности, которая за ними скрывается. Так, например, видя за архитектурным объектом конгломерат социальных отношений, социологи сталкиваются с проблемой различения архитектурных стилей [Ramsey, 1987, p. 332-333].

Логика социологического просвещения делает вопрос — «что за этим кроется?» — первичным по отношению к пониманию того, «что происходит?» Н. Луман [2002, с. 320] показывает, что отказ

1 Подробнее о соотношении социологического просвещения и конструирования социологической действительности см. [Степанцов, 2008].

от последнего вопроса ведет к потере продуктивного напряжения, которое изначально было драйвером развития социальной теории: «Их различение [вопросов „что происходит?“ и „что за этим кроется?“] позволяло социологии опереться на широко распространенную культуру подозрения мотивов. Например, можно восторгаться китайской живописью, элегантностью рисунка и растворением очертаний в облаках и тумане. Но можно также установить, что облака на картинах всегда бывают помещены там, где требуется скрыть, что китайцы не владеют центральной перспективой <...> Может быть, характерное для современной социологии истощение связанно именно с этим отказом от напряжения [между различением того, что происходит, и того, что за этим скрывается]. Позволено почти все — коль скоро можно сделать отсылку к чему-то внешнему».

Суммируем основные черты объяснения, которое следует логике социологического просвещения. Предполагается, что знание обыденных действующих о социальной реальности, в которой они живут, неполно, неточно и смещено. Они не отдают себе отчет о реальных мотивах, структуре социальных или властных отношений, консенсусах и интересах, которые скрываются за наблюдаемыми явлениями. Доступ к настоящей реальности можно получить только посредством специфических методов социальных наук, которые универсальны и могут применяться фактически к любому объекту изучения. Обладание этими методами ставит социолога в позицию «просветителя», который может открывать обывателям глаза на действительность. Ключевая оппозиция — между наблюдаемым, тем, что лежит на поверхности, и не-наблюдаемым, скрытым, тем, что требует изучения, интерпретации и объяснения.

Происходит перенос акцента реальности с наблюдаемого на скрытое — при этом чаще всего внешнее по отношению к наблюдаемому. Такая позиция, с одной стороны, позволяет социальным наукам распространять свои объяснения на потенциально неограниченный набор объектов. С другой стороны, она снимает напряжение между наблюдаемым и его объяснением, до бесконечности расширяя круг исследуемых объектов («позволено почти все») при ограниченном репертуаре возможных интерпретаций.

Наблюдаемое понимается (объясняется, интерпретируется, переописывается) в терминах той внешней «социологической реальности», которая стоит за ним и в конечном счете сводится к этой реальности. По сути, просвещенческая социология имплицитно создает второй слой смыслов, внешний по отношению к повседневным действиям людей. Это позволяет говорить, в частности, о том, что архитектурный объект — не просто объект, а конгломерат социальных

отношений, воплощенный в стекле и бетоне. Вернуть вопрос о том, «что происходит?» по отношению к архитектуре, возможно только в результате отказа от вчитывания в архитектурные объекты социальных отношений, выхода за пределы «герменевтики мотивов» проектировщиков и «пользователей».

Назад к наблюдаемому

Возможно ли отказаться от просвещенческой установки в социальных науках? Какую картину социальной реальности тогда мы получим? Один из путей решения предлагает витгенштейнианская социология совместно с Манчестерской школой этнометодологии, основываясь на работах П. Уинча. Первым шагом на этом пути будет отказ от понимаемых в просветительском ключе интерпретации и объяснения — поиске за наблюдаемыми явлениями скрытой структуры социальных отношений.

Социальный мир, который изучает социолог-исследователь, уже является осмысленным, его осмысление происходит в актах взаимодействий социальных агентов друг с другом. При этом для понимания того, что происходит, обыденным действующим совершенно не обязательно обращаться к реальности, внешней по отношению к взаимодействию. «Уинч вслед за Витгенштейном проводит принципиальное различие между интерпретацией и схватыванием (grasping). Понять социальное действие — это все равно, что ухватить его смысл, как это делают участники [взаимодействия]. Обыкновенно мы не участвуем в процессе интерпретирования слов другого, когда они включены в разговор — мы слышим слова» [Hutchinson, Read, Sharrock, 2008, p. 13].

Итак, объекты социального мира осмысляются в ходе обыденных взаимодействий. Цель социолога-исследователя — на основании изучения обыденных актов осмысления объектов социального мира повседневными действующими понять, «схватить» смысл социальных взаимодействий. На основании взаимной со-настройки осмыслений в результате обыденных черт поведения социальных агентов рождается осмысленный социальный порядок [Гарфинкель, 2011].

Такой подход изменяет представление об онтологии социальной реальности. Не существует действительности, внешней по отношению к наблюдаемым социальным событиям. Конечная социальная реальность создается самими действующими и находится «на поверхности» — она в равной степени может быть наблюдаема как социологом-исследователем, так и непосредственно ими.

В связи с этим интересующие исследователя фундаментальные (как происходит квалификация — понимание, считывание смыс-

ла — действия, как возможен социальный порядок и т. д.) и прикладные (чем был этот конкретный акт действия, какую роль играет пространственная организация в структуре конкретного взаимодействия и т. д.) вопросы не требуют обращения к внешней по отношению к наблюдаемым актам взаимодействия действительности. Для их решения необходимо, по меткому выражению А.Ф. Филиппова, «скользить по поверхности» социальных событий — поверхности, которая является конечным и единственным регионом социальной реальности.

Таким образом, проект витгенштейнианской социологии основывается на перефокусировке исследовательского внимания: с региона скрытого, полагаемого, интерпретируемого на область наблюдаемого. Однако в тот момент, когда мы переходим от изучения взаимодействий к социологическому исследованию архитектуры, данный подход сопряжен с рядом новых вопросов. Что должно наблюдаться? Каким образом происходит практическая со-настройка действий «людей» и «архитектурных объектов»? Как происходит процесс осмысления архитектурных объектов?

В основе ответа на эти вопросы будут лежать рассуждения Витгенштейна о смене аспекта: «Представим игру, в которую играют дети. Они говорят, например, что сундук является домом. В результате он понимается ими как дом в каждой детали. <...> Но видит ли ребенок при этом сундук как дом? „Он почти забывает, что это сундук, для него это в действительности дом“. (И тому есть конкретные [наблюдаемые] подтверждения). Не будет ли правильным в таком случае сказать, что ребенок видит сундук как дом? И если бы вы знали, как играть в эту игру в определенной ситуации вы бы тоже воскликнули: „Теперь это дом!“ — это было бы выражением смены аспекта [видения]» [Wittgenstein, 2006, xi, 176e].

Витгенштейн показывает, что считывание/видение объекта осуществляется в ходе практического взаимодействия с ним. Действительность «сундука» как «дома» определяется конкретными наблюдаемыми характеристиками взаимодействия детей друг с другом и обращения с этим объектом. Более того, в рамках их игры бессмысленно говорить о том, что «на самом деле» этот объект является сундуком, а дети просто делают вид, что он «дом» — тот, кто знает, «как играть в эту игру» (тот, кто может присоединиться к практике детей, обращаться с «сундуком» как с «домом»), также будет видеть именно этот аспект объекта.

Рассмотрение этого примера подводит нас к ответу на первый вопрос. В фокусе нашего наблюдения должны быть практики обращения людей с (архитектурными) объектами. Вспомним, что в рамках нашего подхода невозможно какое-либо иное значение, внешнее по отношению к практикам. Задача — понять, как в процессе наблю-

даемых обыденных взаимодействий социальные агенты придают смысл объектам, которые входят в поле их практики (подробнее см., например, [Степанцов, 2013]). Ответы на другие вопросы поможет дать анализ кейса взаимодействия людей с архитектурными объектами на фестивале «Архстояние»[1].

Анализ кейса: взаимодействия с объектами современного искусства

Летом 2011 г. команда преподавателей и студентов МВШСЭН провела исследование взаимодействий людей с объектами современного искусства на фестивале «Архстояние». Основные исследовательские вопросы: «как люди считывают архитектурные объекты», «каким образом организовано взаимодействие с ними», «отличается ли характер обращения с объектами в зависимости от их формы». В ходе исследования проведено наблюдение взаимодействия посетителей фестиваля со следующими объектами: «Капсульный отель», «Гиперболоидная градирня», «Золотой телец», «Вселенский разум».

> «Объект „Капсульный отель“ расположен невдалеке от основной дороги, вдоль которой живет основная часть посетителей фестиваля. На дороге стоит указатель с обозначением койки и подушки, направляющий поток посетителей в сторону отеля. На самом объекте „Капсульный отель“. Считывание объекта не вызывает сложностей у посетителей. Большая часть из них сразу говорит: „А, это отель!“; „Где, интересно, тут живут?“ и пр. Группы обыкновенно обсуждают друг с другом объект как отель, сопоставляя его с другими отелями. В обсуждении всплывают темы размещения, регистрации, возможности занять место и пр. Также особое внимание уделяется „номерам“ и удобству размещения в них. В целом регистр обсуждения объекта сводится к сопоставлению объекта с другими отелями».
> (Из дневников полевых наблюдений)

1 В известной степени «Архстояние» является скорее Фестивалем современного искусства, чем архитектурным фестивалем, а представленные на нем экспонаты — объектами современного искусства, а не архитектурными сооружениями в традиционном понимании. Однако для наших задач изучение именно этого кейса интересно по ряду причин, главная из которых состоит в следующем: при встрече с объектами, которые выбиваются за рамки очевидностей повседневной жизни, посетители вынуждены производить работу по их практическому осмыслению наиболее эксплицитным образом. Данное обстоятельство облегчает наблюдение за практическим конституированием значения архитектурного объекта здесь-и-сейчас.

Наличие четких меток, указателей определяет возможность посетителей дать осмысленную интерпретацию, чем этот объект является. Это определяет то, что далее мы будем называть «семантической определенностью объекта», которая наблюдается в комментариях и репликах посетителей. Так, в случае «Капсульного отеля» семантическая определенность была наблюдаема в разговорах и комментариях посетителей, совместно осматривающих объект. Их непроблематичное определение объекта как «отеля» (типичный отель, просто-отель, в котором живут люди) задавала дискурсивную способность производить внятные суждения о том, какова функция этого объекта, чем он является с точки зрения их повседневного опыта.

Рис. 1. Капсульный отель. (Источник: http://arch.stoyanie.ru/)
Fig. 1. Capsule Hotel (Source: http://arch.stoyanie.ru/)

Однако семантическая определенность не является единственным способом «считывания» объекта. Как показывают наблюдения, в случае с «Капсульным отелем» посетители зачастую задействуют его элементы.

> «Игра с объектом. Этот регистр взаимодействия с объектом предполагает использование его элементов, изучение его изнутри (капсул), открывание и закрывание дверей, перемещение по лестницам и т. п. Этот регистр осуществляется обычно группами молодых людей, которые активно обсуждают и исследуют „Отель“. Наибольший интерес в этом случае представляет попытка заглянуть внутрь капсул. Наличие дверей делает сценарии взаимодействия с объектом вписанными в него и достаточно очевидными и считываемыми. То, что они

легко считываемы, подтверждается большим количеством наблюдений посетителей, которые постоянно открывали двери и заглядывали внутрь. Этот регистр представляет для нас наибольший интерес в рамках данного сюжета.

Осмотр объекта снаружи. Посетители обходят объект один или два раза, ничего не говоря, осматривают, но не залезают на него и не фотографируются на его фоне. Наиболее часто встречаемый регистр взаимодействия у одиноких посетителей».
(Из дневников полевых наблюдений)

Второй способ придания значения объекту, отличный от семантического, — это прагматическое понимание. Объект «считывается» прагматически, если в наблюдении фиксируются частые случаи непроблематичного практического взаимодействия с ним. Таким образом, можно сказать, что если семантическое определение объекта связано с взаимодействием людей друг с другом по поводу объекта, то прагматическое — с взаимодействием людей с самим объектом.

Чистым примером практического понимания является первый регистр взаимодействия с объектом. «Капсульный отель» не вызывает замешательства на прагматическом уровне, почти каждый посетитель, если он не просто обходит объект, открывает одну или несколько дверей, или залезает на второй этаж. Ключевым наблюдаемым маркером практического понимания являются манипуляции с объектом (а не просто обхода объекта) и работа с его элементами, их передвижение, перемещение, изучение. Манипуляции с объектом сокращают «дистанцию» между посетителем и объектом. Сокращение дистанции при этом понимается как включение объекта в практическое поле социальных агентов. Как будет показано ниже, мы можем говорить о разных типах преодоления дистанции в зависимости от типа практики, который сопряжен с «использованием» объекта.

Иной (не чистый) тип прагматического понимания — фотографирование на фоне объекта и просто обход объекта, эти способы предполагают меньшее сокращение дистанции. Это можно проиллюстрировать на кейсе другого объекта: «Гиперболоидной градирни».

«„Градирня“ располагается на пути от объекта „Золотой телец“ к объекту „Вселенский разум“ рядом с дорогой, которой пользуется большая часть посетителей. „Градирня“ расположена чуть в стороне от этой тропинки, но в силу своих размеров отлично видна с нее. Все посетители, которые идут по этой тропинке, замечают ее, что наблюдается либо в том, что они на нее смотрят в момент движения, либо в том, что они останавливаются рядом с ней на некоторое время, либо же в том, что они сворачивают с тропинки и подходят к ней».
(Из дневников полевых наблюдений)

В отличие от «Капсульного отеля», «Градирня» обладает семантической непрозрачностью. Ни один из наблюдаемых посетителей не смог объяснить другому, чем этот объект является.

> «Две девушки подходят к объекту. Одна говорит другой:
> (1) О, это очень круто!
> (2) А что это?
> (1) „Не знаю, — делает фотографию. — Но это с прошлой выставки“».
> (Из дневников полевых наблюдений)

Рис. 2. Гиперболоидная градирня. (Источник: https://www.flickr.com/)
Fig. 2. Hyperboloid cooling tower (Source: https://www.flickr.com)

Между тем стоит отдельно отметить, что этот вопрос постоянно поднимался. Посетители, подходившие к «Градирне» в группах, обсуждали друг с другом, что это за объект. Зачастую не будучи способными ответить на вопрос о смысле объекта, разместить его внятным образом в семантическом поле, большинство посетителей переходило к обсуждению технологических аспектов построения «Градирни» и ее содержания. За время наблюдения ни один человек не отослал к истории объекта и к той роли, которую он выполнял на прошлых фестивалях.

В отсутствие семантической определенности «Градирня» представляла собой (во время осуществления наблюдения) своеобразный «черный ящик» и в аспекте прагматического понимания. Этому в значительной степени способствовало то обстоятельство, что вход внутрь просел и оказался завален мусором. Это затрудняло доступ посетителей внутрь объекта в отличие, например, от «Капсульного отеля».

> «Семья подходит к объекту, ребенок пытается залезть вовнутрь, говорит, что тут есть вход и можно пробраться. Отец пытается его остановить, ребенок не слушает и приближается к входу. Отец берет его за руку и говорит: „Не надо туда лазить, видишь, тут мусор. Все наклонилось, вдруг обвалится! Как мы тебя доставать будем?“»
> (Из дневников полевых наблюдений)

В ходе наблюдений прагматического использования объекта и его элементов практически не фиксировалось, т. е. посетители не осуществляли манипуляций с ним. В большинстве случаев они держали дистанцию, глядя на объект издалека, обходя его вблизи или фотографируя его, или фотографируясь на его фоне вблизи. Таким образом, в отличие от объекта «Капсульный отель» «Градирня» представляла собой «черный ящик» в двух аспектах: и семантическом, и прагматическом.

Прагматическая непрозрачность «Градирни» проявлялась в отсутствии «чистого» типа взаимодействия с объектом — игры с ним. Игра с объектом является чистым типом прагматического понимания. Она предполагает, что взаимодействие с объектом осуществляется и не является опосредованным. Можно предположить, что для игры с объектом, непосредственного взаимодействия, необходимо, чтобы сценарии такого взаимодействия были бы «вписаны» в объект. В случае с «Градирней» сценарии возможных взаимодействий не были напрямую считываемы — одной из причин тому стал крен объекта, в результате которого вход внутрь был завален и незаметен.

Между тем прагматическое понимание объекта возможно за счет опосредованного взаимодействия. В качестве парадигмального примера такого взаимодействия можно назвать фотографирование с объектом или же фотографирование на фоне объекта. Опосредованное практическое понимание объекта через фотографирование наблюдалось и для «Градирни», и для «Капсульного отеля», однако следующий кейс может служить более яркой иллюстрацией этого взаимодействия.

> «Объект „Золотой телец“ наиболее заметный объект за счет близости к автомобильной дороге, ведущей на фестиваль. Большинство людей фотографировалось именно с ним. В процессе фотографирования осуществлялась постоянная взаимная сонастройка поведения посетителей и их отношения с объектом. Пример: „Залезь вон туда, я тебя сейчас сфотографирую“, — говорит фотограф, стоя на земле, посетителю, выбирая лучший ракурс. Где-то половина, если не больше посетителей, обсуждают друг с другом, как лучше сфотографироваться, изучают объект с точки зрения делания фотографий. Они активно задействуют элементы объекта, но исключительно для того, чтобы сделать удачный фотоснимок».
> (Из дневников полевых наблюдений)

В данном случае посетители взаимодействуют с объектом, используют его элементы, контактируют с ним, но их взаимодействие опосредованно общением друг с другом по поводу фотографирования с объектом и фотокамерой как инструментом взаимодействия с объектом. Изучение объекта форматируется не только самим объектом (где лучше сфотографироваться), но и фотокамерой, которая имеет определенные технические ограничения, а также взаимным общением. Таким образом, фотографирование на фоне объекта и/или с объектом является способом сокращения дистанции.

Рис. 3. Золотой телец. (Источник: https://www.dailyway.com/)
Fig. 3. Golden Calf (Source: https://www.dailyway.com/)

Сравнение «Градирни», «Золотого тельца» и «Капсульного отеля» подводит нас к следующим вопросам. Что определяет типы прагматического понимания объекта? Почему с одними объектами чаще фотографируются, а с другими чаще играют? Одним из факторов, определяющих шанс практического освоения объекта, является легкость считывания или «вскрытия», вписанных в сам объект потенциальных сценариев взаимодействия с ним. Это будет проиллюстрировано на кейсе «Вселенского разума».

> «Объект „Вселенский разум“ у большинства посетителей вызывает недоумение, когда они пытаются обсудить его друг с другом и представить его явную интерпретацию. Между тем с элементами этого объекта, с которыми возможно прямое практическое взаимодействие, посетители активно играют. Непонятную на практическом уровне часть объекта составляют столбы, стоящие ближе к дороге, эту часть

> большинство посетителей быстро проходит, практически не смотря на них, направляясь в сторону „детской площадки“. Мало кто из посетителей проходит этот объект полностью насквозь, не задерживаясь в зоне взаимодействия с его подвижными элементами на некоторое время. Зачастую практическая прозрачность и одновременная семантическая непрозрачность объекта артикулируются в высказываниях посетителей.
>
> Пример: один мужчина говорит другому: „Какой тут смысл? Да никакого! Каждый просто приходит и становится ребенком. Что он в себе при этом познает? Ничего. Просто хорошо ему“».
> (Из дневников полевых наблюдений)

«Вселенский разум» интересен тем, что он как единый объект разделен на три части. Все эти части обладают семантической неопределенностью, но отличаются способами практического определения посетителями.

Рис. 4. Вселенский разум. (Источник: https://www. http://polissky.ru/)
Fig. 4. Universal Mind. (Source: https://www. http://polissky.ru/)

Первая часть — колонны — практически не задействуется. Это «зона обхода» — дистанция между элементами объекта и посетителями практически не сокращается. Люди проходят мимо, осматривая колонны, лишь изредка фотографируясь на их фоне. Вторая часть — «мозги» — представляет собой случай опосредованного взаимодействия. Тут чаще всего наблюдается фотографирование с объектом, предполагающее задействование его элементов. В целом поведение посетителей, их взаимодействие друг с другом, объектом и фотоаппаратом в значительной степени идентично взаимодействию на объекте «Золотой телец». Третья часть — «детская площадка» — зона наибольшей вовлеченности в непосредственное

взаимодействие. Фотографирование наблюдается значительно реже, манипуляции с элементами объекта составляют основную активность посетителей.

Можно предположить, что три части обладают разной прагматической определенностью и различаются по способам практического «опрозрачивания». От первой зоны к третьей практическое взаимодействие с объектом становится более интенсивным и менее опосредованным. Первая и третья часть объекта хорошо сопоставимы друг с другом, поскольку, если в колонны плохо вписываются способы практического взаимодействия с ними, то в подвижные и открывающиеся взаимодействия эти способы вписываются легко. Перемещение и передвижение различных частей делает игру с объектом интересной.

Наиболее любопытна вторая часть, где происходит фотографирование. Обладая определенной прагматической и семантической непрозрачностью, она тем не менее стимулировала людей к опосредованному взаимодействию с объектом. Основная причина — компактность этой части «Вселенского разума», которая в отличие от «Столбов» позволяет сделать фотографии на ее фоне. Тем не менее отсутствие «игры» с данной частью объекта обусловлено неподвижностью его элементов, что снижало вероятность непосредственного взаимодействия с ними в отличие, например, от подвижных составляющих «Капсульного отеля».

Making sense out of object

Выше мы говорили о двух типах практического осмысления архитектурных объектов: семантической и прагматической. Семантическая определенность предполагает ответ на вопрос, «что» это за объект, практическая — «как» с ним взаимодействовать. В этом смысле различение прагматического и семантического способа придания смысла объекту в общих чертах параллельно различению, которое Г. Райл [1999, с. 36-41] проводил между «знанием как», то есть умением делать нечто, практической компетентностью, которая не обязательно сопряжена с рефлексией в отношении того, что именно делается, и «знанием что», по сути, когнитивным арсеналом человека.

Ключевое различие состоит в том, что для Райла «знание как» и «знание что» связано со способностями отдельного социального агента, по сути, с его внутренними качествами. Для нас же прагматическое и семантическое понимание существует только в процессе социальных взаимодействий. Это означает, что оно может быть наблюдаемо, вычленено из конкретного потока социальных событий. Семантическое освоение объекта наблюдается во взаи-

модействии посетителей друг с другом, прагматическое — во взаимодействии (непосредственном или опосредованном) посетителей с объектом. Две эти оставляющие независимы и совместно служат определению объекта.

Способы понимания объектов[1]

Далее мы разделили типы прагматического понимания на непосредственное понимание (чистый тип) и опосредованное понимание. Чистый тип прагматического понимания предполагает выполнение двух условий: наличие взаимодействия с объектом и непосредственности взаимодействия с ним. Наличие взаимодействия мы понимаем как преодоление дистанции между посетителем и объектом. По способу преодоления дистанции можно различить непосредственное и опосредованное взаимодействие. Если дистанция преодолевается через начало игры с объектом, то мы имеем непосредственное взаимодействие. Если же дистанция преодолевается через задействование других объектов (в первую очередь фотоаппарата) и коммуникацию с посетителями, то речь идет об опосредованном взаимодействии.

По результатам анализа практического осмысления объекта «Вселенский разум» мы выдвинули предположение, что типы взаимодействия с объектами определяются сценариями, вписанными в эти объекты. Это предположение требует более детальной проверки на материале, а также ответа на концептуальный вопрос: что такое

1 Стоит отдельно подчеркнуть, что и прагматическое, и семантическое освоение представляют собой случаи практического взаимодействия. В наших рассуждениях мы не уходим от наблюдаемых характеристик практик социальных агентов.

вписанность сценариев в объект, и как она может быть зафиксирована? К этому вопросу мы обратимся в заключительной части работы.

Вписанные сценарии vs практики пользователей

Подведем промежуточные итоги. Результатом критики проекта социологического просвещения стала перестановка акцента на наблюдаемые характеристики взаимодействия людей. Основной вопрос: каким образом в ходе этих взаимодействий придается смысл объектам, в отношении которых это взаимодействие осуществляется. На примере анализа кейса событий освоения объектов современного искусства мы пришли к различию двух типов понимания: прагматического и семантического.

Что дал нам данный шаг? Прежде всего внимание к актам практического взаимодействия позволило выделить разные типы архитектурных объектов, которые допускают разные типы считывания. Нельзя сказать, что объекты существуют постольку, поскольку люди взаимодействуют с ними. Их форма определяет потенциал прагматического и семантического считывания в зависимости от наличия определенных «подсказок», позволяющих разместить некоторый объект в семантическом поле, понятном для других (кейс «Капсульного отеля»), а также возможностей манипуляции с объектами (вписанности в объект определенных сценариев взаимодействия с ним).

Значит ли это, что значение объекта определяется вписанными в него сценариями использования? Возможно, наше внимание к взаимодействию посетителей было излишним, и мы могли бы понять значение объектов безотносительно него? Для ответа на этот вопрос вернемся к примеру с сундуком. Безусловно, форма сундука в известной степени определяет возможность использования его в детской игре в качестве «дома». Так, например, использование стула или кровати в этих целях было бы более затруднительным.

Однако ключевым вопросом является следующий: что делает «сундук» «домом»? Вписанность в его форму возможности определенного рода практических взаимодействий? Но мы можем представить бесконечное число контингентных (возможных, но не случайных) способов использования сундука. В этом смысле значение сундука остается недоопределенным (underdetermined)[1].

Понимание значения архитектурного объекта подобно считыванию значения правила. Правила, равно как и контингентные сценарии обращения с объектом, не могут предопределять будущий

1 См. аргумент недоопределенности объектов (в том числе ментальных объектов) в отсутствие взаимодействия в [Uebel, 2012] и [Степанцов, 2015].

образ действий социальных агентов. «Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия» [Wittgenstein, 2006, § 201].

Проблема в том, что коль скоро и правило, и форма объекта предполагают бесконечное число соответствующих им действий, мы не можем сказать, что конкретный наблюдаемый тип поведения противоречит или соответствует правилу, или объекту. Это означает, что в отсутствие наблюдаемой практики они остаются недоопределенными.

Несмотря на ограничения, которые накладывает форма объекта на контингентные сценарии его использования, его значение определяется практикой социальных агентов. В этом состоит одно из ключевых ограничений нашей схемы: в отсутствие соответствующей наблюдаемой практики мы не можем сказать, чем является архитектурный объект.

Тем не менее использование витгенштейнианской логики по отношению к изучению архитектурных объектов разрешает нам говорить о множественности их значений. Последние не предопределяются раз и навсегда внешней реальностью конструктов социологического исследования. Они могут меняться в зависимости от практики их использования *in situ*. В итоге нам не остается иного способа вычленять вписанные сценарии использования объектов, кроме как наблюдая за разными практиками их использования.

Библиография

Вахштайн В.С. (2015) *Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах*, М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив.

Вебер М. (2002) *Основные социологические понятия. Теоретическая социология: Антология*. под ред. С.П. Баньковской, М.: Книжный дом «Университет».

Гарфинкель Г. (2011) Что такое этнометодология? *Социологическое обозрение*, 11 (3).

Луман Н. (2002) «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества. *Теоретическая социология: Антология*. под ред. С.П. Баньковской, М.: Книжный дом «Университет».

Райл Г. (1999) *Понятие сознания*, М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.

Степанцов П. М. (2008) Нет такой вещи, как социальная наука: в защиту Питера Уинча. Размышления над книгой. *Социологическое обозрение*, 7 (2).

Степанцов П.М. (2013) Социальное действие между интерпретацией и пониманием. *Социология власти*, 1-2 (27-56).

Степанцов П.М. (2015) Теоретические стратегии исследования социального действия: каузальное объяснение vs понимание смысла. *Социология власти*, 4.

Уинч П. (1996) *Идея социальной науки и ее отношение к философии*, М.: Русское феноменологическое общество.

Филиппов А. Ф. (2009) От социологического просвещения к социальному действию. *Пути России. Современное интеллектуальное пространство*, под ред. М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. Т. XVI, М.: Университетская книга: 263-270.

Giddens A. (1995) *A contemporary critique of historical materialism*. 2nd ed., Stanford University Press, CA.

Jones P. (2006) The Sociology of Architecture and the Politics of Building: The Discursive Construction of Ground Zero. *Sociology*, 40 (3): 549-565.

Jones P. (2011) *The Sociology of Architecture: Constructing Identitie*s, Liverpool, UK: Liverpool University Press.

Hutchinson P, Read R, Sharrock W. (2008). *There is no such Thing as a Social Science: in defense of Peter Winch*. Ashgate Publishing Limited.

Ramsey S.C. (1987) Some sociological aspects of Modern Architecture. *The Sociological Review*, 22 (4).

Spencer C. (2005) Designing the person: sociological assumptions embodied within the architecture of Charles Rennie Mackintosh and Le Corbusier. *Irish Journal of Sociology,* 14 (1): 141-162.

Uebel T. (2012) Narratives and Action Explanation. *Philosophy of the Social Sciences*, 42: 31–67.

Wittgenstein L. (2006) *Philosophical Investigation,* Oxford: Blackwell Publishing.

References

Filippov A.F. (2009) Ot sociologicheskogo prosveshcheniya k social'nomu dejstviyu [From sociological Enlightenment towards social action] *Puti Rossii. Sovremennoe intellektual'noe prostranstvo*, Vol. XVI, M.: University book: 263-270.

Garfinkel H. (2011) Chto takoe ehtnometodologiya? [What ethnomethodolohy is?] *Sociologicheskoe obozrenie,* 11 (3).

Giddens A. (1995) *A contemporary critique of historical materialism*. 2nd ed., Stanford University Press, CA.

Jones P. (2006) The Sociology of Architecture and the Politics of Building: The Discursive Construction of Ground Zero. *Sociology*, 40 (3): 549-565.

Jones P. (2011) *The Sociology of Architecture: Constructing Identitie*s, Liverpool, UK: Liverpool University Press.

Luhmann N. (2002) «Chto proiskhodit?» i «Chto za ehtim kroetsya?». Dve sociologii i teoriya obshchestva ["What is going on?" and "What stands behind?" Two sociologies and theory of society] T*eoretical Sociology. Antology.* S.P Bankovskaya (ed.), M.: "University".

Ramsey S.C. (1987) Some sociological aspects of Modern Architecture. *The Sociological Review*, 22 (4).

Ryle G. (1999) *Ponyatie soznaniya [The concept of mind],* M.: Idea-Press.

Spencer C. (2005) Designing the person: sociological assumptions embodied within the architecture of Charles Rennie Mackintosh and Le Corbusier. *Irish Journal of Sociology,* 14 (1): 141-162.

Stepantsov P. (2008) Net takoj veshchi, kak socialnaya nauka: v zashchitu Pitera Uincha. Razmyshleniya nad knigoj [There is no such thing as a social science in defense of Peter Winch. Reflections on the book] *Sociologicheskoe obozrenie*, 7 (2).

Stepantsov P. (2013) Sotsialnoe dejstvie mezhdu interpretatsiej i ponimaniem [Social action, between interpretation and understanding]. *Sociologiya vlasti,* 1-2: 27-56.

Stepantsov P. (2015) Teoreticheskie strategii issledovaniya social'nogo dejstviya: kauzal'noe ob"yasnenie vs ponimanie smysla [Theoretical strategies of explanation of social action: Erklaren vs Verstehen] *Sociologiya vlasti*, 4.

Uebel T. (2012) Narratives and Action Explanation *Philosophy of the Social Sciences*, 42: 31–67.

Vakhshtayn V.S. (2015) *Delo o povsednevnosti. Sociologiya v sudebnyh precedentah [The case of everyday life. Sociology in legal cases],* M.; Saint-Petersburg: The Centre for Humanities.

Weber M. (2002) Osnovnye sociologicheskie ponyatiya [Basic sociological Terms] *Theoretical Sociology. Antology.* V.1. S.P. Bankovskaya (ed.), M.: «University»,

Winch P. (1996) *Ideya social'noj nauki i ee otnoshenie k filosofii [The idea os social science and its relation to philosophy],* M.: Russian Phenomenological Society.

Wittgenstein L. (2006) *Philosophical Investigation*, Oxford: Blackwell Publishing.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Степанцов П.М. (2017) Семантика и прагматика архитектурного объекта: что может дать витгенштейнианский подход для изучения архитектуры. *Социология власти*, 29 (1): 101-121.

Stepantsov P.M. (2017) Semantical and pragmatical dimensions of architectural object: Towards Wittgensteinian approach to the architectural studies. *Sociology of power*, 29 (1): 101-121.